

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-3-93-113

Марк Владимирович ШУГУРОВ

Саратовская государственная юридическая академия
Вольская ул., д.1, стр. 93, Саратов, 410056, Российская Федерация
shugurovs@mail.ru
ORCID: 0000-003-3604-3961

Поступила в редакцию: 26.06.2019
Принята к публикации: 17.09.2019

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА МЕЖДУНАРОДНУЮ ПЕРЕДАЧУ БИОТЕХНОЛОГИЙ

ВВЕДЕНИЕ. *Статья посвящена обсуждению ключевых вопросов значительного воздействия прав интеллектуальной собственности, особенно патентов, на передачу биотехнологий в рамках режима Конвенции ООН о биоразнообразии 1992 г. (КБР) и доступа к экологически устойчивым биотехнологиям. Цель исследования заключается в анализе взаимоотношений между обязательствами государств в сфере охраны прав интеллектуальной собственности и обязательствами, которые относятся к сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия на основе содействия передаче и диффузии биотехнологий. Помимо этого автор стремится наметить комплекс значимых мер, нацеленных на ослабление сдерживающих функций прав интеллектуальной собственности в отношении передачи биотехнологий в развивающиеся страны в интересах устойчивого развития и достижения его целей.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *В ходе подготовки исследования использовались труды исследователей и экспертов в области международного экологического и международного экономического права, материалы и документы совещаний*

Конференции Сторон Конвенции о биоразнообразии, документы ВТО, а также резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и доклады Генерального секретаря. Исследование основано на базе общенаучных методов познания (системный и структурный подходы, анализ и синтез, индукция и дедукция), а также специальных методов, используемых в юридической науке (сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-догматический методы).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *На основе проведенного анализа автор пришел к следующим исследовательским результатам. Международно-правовое регулирование передачи биотехнологий согласно положениям КБР – составная часть международно-правового регулирования оборота биотехнологий в интересах устойчивого развития и достижения его целей. Передача проприетарных биотехнологий – элемент режима доступа к генетическим ресурсам, современным технологиям и традиционным знаниям и распределения выгод от их совместного использования. Решение задачи эффективной имплементации положений ст. 16 КБР о содействии передаче проприетарных биотехнологий*

в развивающиеся страны – самостоятельный предмет сотрудничества Сторон КБР. Определенные успехи в реализации положений ст. 16 КБР стали возможны благодаря конвергенции режима биоразнообразия в рамках КБР и режима защиты прав интеллектуальной собственности в рамках режима Соглашения ТРИПС.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Автор определил, что в настоящее время стимулирующее воздействие прав интеллектуальной собственности на передачу биотехнологий в контексте их гармонизации с целями КБР требует, особенно в связи с распространением стандартов ТРИПС-плюс, развития сотрудничества государств по совершенствованию имеющихся и апробированию новым форм передачи технологий, таких как патентные пулы. К числу важных выводов исследования относится положение о необходимости дальнейшего совершенствования режима ABS в направлении установления гибкого баланса между правообладателями и пользователями технологий на основе установления доверия. Последнее достигается, во-первых, в рамках Механизмов

посредничества КБР и Нагойского Протокола, а во-вторых, благодаря последовательной реализации всего потенциала Соглашения ТРИПС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: биоразнообразие, устойчивое развитие, охрана окружающей среды, передача технологий, развивающиеся страны, Конвенции ООН о биоразнообразии 1992 г., Соглашение ТРИПС, патенты

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шугуров М.В. 2019. Воздействие прав интеллектуальной собственности на международную передачу биотехнологий. – Московский журнал международного права. № 3. С. 93–113.

DOI: 10.24833/0869-0049-2019-3-93-113

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00400-ОГН «Международно-правовое регулирование передачи технологий в контексте глобальной стратегии устойчивого развития: состояние и перспективы»).

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-3-93-113

Mark V. SHUGUROV

Saratov State Law Academy
1, ul. Volskaya, Saratov, Russian Federation, 410056
shugurovs@mail.ru
ORCID: 0000-003-3604-3961

Received 26 June 2019
Approved 17 September 2019

INFLUENCE OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS ON INTERNATIONAL TECHNOLOGY TRANSFER

INTRODUCTION. The present article is dedicated to considering the key matters of dramatic impact of intellectual property rights, especially patents,

on biotechnology transfer under regime of 1992 UN Convention on biodiversity (CBD) and on access to environmentally sound biotechnologies.

The research purpose is to examine the interface between states' international-legal obligations in the area of intellectual property protection and the conservation and sustainable use of biodiversity in terms of promoting technology transfer and diffusion. Besides that, the author strives to outline the complex of relevant measures aimed to reduce the restraining function of intellectual property rights with regard to biotechnology transfer to developing countries in the interests of sustainable development and achieving its goals.

MATERIALS AND METHODS. *In the course of preparation of this study, writings of researches and experts in the area of international environmental law and international economic law were used. At that, author has used materials and documents of meetings of CBD Conference of Parties, documents of the WTO, as well as resolutions of the GA UN and reports of the Secretary General. This study is premised on using the general methods of cognition (systemic and structural approaches, analysis and synthesis, deduction and induction) and methods of legal research (comparative, historical and formally-dogmatic methods).*

RESEARCH RESULTS. *Base on conducted analysis, the author has come to following research findings. International-legal regulation of biotechnology transfer under CBD is an integral part of regulation of biotechnology circulation in the interests of sustainable development and achieving its goals. Transfer of biotechnology is the element of regime of access and benefit sharing (ABS). The solution of the problem of effective implementation of art. 16 of the CBD on aiding technology transfer to developing countries is separate subject matter of conventional cooperation. Some success in realization of provisions of the art.*

16 is due to convergence between the CBD regime of biodiversity and the regime of intellectual property rights protection under the TRIPS Agreement.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The author ascertains that, at present, the stimulating impact of intellectual property rights on technology transfer in the context of harmonizing thereof with objectives of the CBD demands, especially in the connection of spreading TRIPS-plus standards, development of cooperation of states on improving available and testing new forms of technology transfer, such as patent pools. This study substantiates the conclusion that there is need to improving ABS-regime in directions of setting up the flexible balance between rights holders and technology users on basis of increasing the confidence. The latter is achieved, at first, within the framework of Clean-housing mechanisms of the CBD and the Nagoya Protocol, and, at second, due to consecutive implementation of potential of the TRIPS Agreement.*

KEYWORDS: *biodiversity, sustainable development, environmental protection, technology transfer, developing countries, Convention on biodiversity, TRIPS Agreement, patents*

FOR CITATION: Shugurov M.V. Influence of Intellectual Property Rights on Technology Transfer in the Interests of Conservation and Sustainable Use of Biodiversity: problems and solutions. – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 3. P. 93-113. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-3-93-113

ACKNOWLEDGEMENTS: *The article was supported financially by Russian Foundation for Basic Research (Project No. 17-03-00400-OGN).*

1. Введение

Заметным сектором глобального перехода к устойчивому развитию является международное сотрудничество государств по сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия в интересах ныне живущих и будущих поколений. Составной частью данного со-

трудничества выступает взаимодействие в сфере исследований и разработок (R&D), передачи и использования технологий, применение которых призвано обеспечить решение указанных задач. Об этом свидетельствует целый ряд международных программно-стратегических документов, начиная с Повестки дня на XXI век (Гл. 15 «Сохранение биологического разнообразия»)¹ и

¹ Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.). Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch15.shtml (дата обращения: 15.05.2019).

закачивая Повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (Цель № 15 «Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия»)². В этих документах содержатся политические обязательства государств по развитию соответствующего научно-технического сотрудничества в сфере биоразнообразия, в том числе по разработке и передаче биотехнологий, которые являются составной частью технологической базы перехода к устойчивому развитию.

Данные политические обязательства призваны стимулировать наиболее последовательное выполнение международно-правовых обязательств государств, в том числе в сфере научно-технического сотрудничества. Особенно это касается международно-правовых обязательств развитых стран по содействию международной передаче биотехнологий, позволяющих удовлетворять потребности развивающихся государств в недостающих технологиях в целях сохранения и устойчивого использования биоразнообразия. Согласованный подход, согласно которому разработка, передача, адаптация и распространение технологий, а также укрепление соответствующего потенциала имеют огромное значение не только для сохранения и устойчивого использования биоразнообразия, но и для обеспечения устойчивого развития как такового, закреплен в Конвенции ООН о биоразнообразии 1992 г. (далее – КБР)³.

В свою очередь следует принимать во внимание то, что международно-правовое регулирование передачи биотехнологий в целях сохранения и устойчивого использования биоразнообразия – это составная часть весьма масштабного по своему охвату международно-правового регулирова-

ния оборота биотехнологий в интересах устойчивого развития и достижения его целей (далее – ЦУР). Это означает, что разработка и передача биотехнологий способна содействовать достижению различных ЦУР⁴. Так, в специальном тематическом докладе Генерального секретаря ООН было обосновано, что распространение экологически безопасных биотехнологий позволяет реализовывать стратегию устойчивого развития⁵. В следующем тематическом докладе, посвященном сопряжению стремительных технологических изменений и устойчивого развития, Генеральный секретарь отнес биотехнологии к перечню технологий, призванных обеспечить достижение ЦУР⁶. Вполне понятно, что в этом случае речь идет об экологически чистых и ресурсосберегающих биотехнологиях, а также об их применении на основе принципа предосторожности и принципа социальной инклюзивности.

Биотехнологии являются результатами интеллектуальной деятельности, на которые в большинстве случаев распространяются права интеллектуальной собственности. Поэтому успешная передача данных, впрочем, как и других категорий технологий, во многом предполагает решение комплекса вопросов об их охране и защите, а также об условиях передачи исключительных прав на них. Между тем существующее право интеллектуальной собственности оказывает двойственное воздействие на передачу технологий: в одних случаях оно оказывает сдерживающее воздействие, а в других – стимулирующее. В отношении передачи технологий в развивающиеся страны зачастую преобладает сдерживающая функция прав интеллектуальной собственности, что негативно влияет на их технологическое развитие и достижение ЦУР. Данная закономерность всецело распространяется на передачу биотехнологий. По этой причине в центре внимания сотрудничества государств в сфере устойчивого развития оказывается реше-

² Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 10.05.2019).

³ Конвенция ООН о биоразнообразии 1992 г. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/biodiv.pdf (дата обращения: 30.04.2019).

⁴ Многоцелевое предназначение биотехнологий было подтверждено в рамках мини-симпозиума, проведенного ЮНЕСКО 13 февраля 2015 г. Доступ: http://www.unesco.org/new/ru/natura/natural-science/about-us/single-view/news/biotechnology_effective_solutions_for_sustainable_developme/ (дата обращения: 01.06.2019).

⁵ Impact des nouvelles biotechnologies, en particulier sur le développement durable, y compris la sécurité alimentaire, la santé et la productivité. 9 mai 2003. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/356/11/PDF/N0335611.pdf> (accessed date: 21.05.2019).

⁶ Воздействие стремительных технологических изменений на устойчивое развитие. Доклад Генерального секретаря ООН. С. 2. Доступ: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ecn162019d2_ru.pdf (дата обращения: 19.03.2019).

ние проблемы сокращения сдерживающего воздействия прав интеллектуальной собственности на передачу технологий и расширение ее стимулирующего воздействия. В связи с этим целью данной статьи является систематизация всего блока существующих здесь проблем и раскрытие направлений их решения на основе различных международно-правовых средств.

2. Международно-правовой режим передачи биотехнологий в рамках Конвенции ООН о биоразнообразии

Современные биотехнологии характеризуются видовым разнообразием: они используются в сельском хозяйстве, здравоохранении, промышленности (фармацевтике, косметологии, энергетике и др.), сохранении окружающей среды и т.д., представляется возможным говорить о соответствующих международно-правовых режимах регулирования биотехнологий. Несмотря на различия, данные режимы имеют сходные характеристики. Во многом это обусловлено существованием межотраслевого международно-правового института, иногда именуемого «международным правом в сфере биотехнологий». Для него характерны такие аспекты, как права человека, торговли, права интеллектуальной собственности, охрана окружающей среды, биобезопасность [Herdegen 2018; Blay 2005]. Соответственно, данный институт включает международно-правовые нормы, относящиеся к различным отраслям международного права – международному праву прав человека, международному торговому праву, международному экологическому праву и, конечно же, международному праву в сфере охраны интеллектуальной собственности.

В КБР предусмотрены международно-правовые обязательства государств по обмену информацией и осуществлению международного научно-технического сотрудничества (ст. 17, 18).

Кроме этого, ст. 16 «Доступ к технологии и ее передача» специально посвящена вопросам сотрудничества в сфере международной передачи биотехнологий. Этому обязательству коррелирует предусмотренное п. 11 Канкунской декларации 2016 г. политическое обязательство расширять международное сотрудничество и поощрять новаторство и передачу соответствующей технологии⁷. В целом разработка и передача технологий в КБР рассматривается как важный фактор в решении проблемы предотвращения утраты биоразнообразия при одновременном повышении экономической ценности генетических ресурсов

Отметим, что понятие биотехнология раскрывается как в тексте КБР, так и в документах главных и вспомогательных органов ООН. Ст. 2 определяет биотехнологию как любой вид технологии, связанный с использованием биологических систем, живых организмов или их производных для изготовления или изменения продуктов или процессов с целью их конкретного использования. Поэтому сюда относятся как «твердые» (машинное оборудование, аппаратные средства), так и «мягкие» технологии (технологическая информация и «ноу-хау»). В понятие «биотехнология» помимо традиционных включаются новые методы (слияние клеток, перенос эмбриона, технологии рекомбинации ДНК, культура клеток ткани), позволяющие биотехнологическим ресурсам вносить более существенный вклад в благосостояние общества⁸.

В рамках установленного Конвенцией международно-правового режима передачи биотехнологий применяется широкий подход к биотехнологиям и предусматривается несколько их разновидностей. Во-первых, это технологии сохранения и устойчивого (неистощительного) использования, нацеленные на сохранение окружающей среды (ст. 16.1). Во-вторых, это технологии использования генетических ресурсов. Данное использование осуществляется в научных

⁷ Канкунская декларация по актуализации тематики сохранения и устойчивого использования биоразнообразия для благополучия людей 2016 г. Доступ: <http://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-13/official/cop-13-24-ru.pdf> (дата обращения: 24.05.2019).

⁸ В качестве уточнения приведем понимание биотехнологии, содержащееся в одном из рабочих документов Конференции Сторон. Так, Решением VI/25 были утверждены формы для тематических докладов, представляемых Сторонами. Одна из форм содержала элементы докладов по вопросам передачи технологии и технологическому сотрудничеству. В ней понятие биотехнологии включает технологии, имеющие непосредственное отношение к сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия, а именно технологии и "ноу-хау", имеющие отношение к идентификации, определению специфики и мониторингу экосистем, видов и генетических ресурсов. Кроме этого, сюда включены технологии для сохранения и устойчивого использования компонентов биоразнообразия. См.: Решение Сторон Конференции VI/25 «Национальные доклады». Приложение III: Форма для представления доклада по вопросам передачи технологии и технологическому сотрудничеству. Доступ: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-06/full/cop-06-dec-ru.pdf> (дата обращения: 18.05.2019).

(ст. 17, 18, 19(1)) и/или производственных целях (ст. 15(7), 16(3), 16(4)), в том числе в рамках режима доступа к генетическим ресурсам и совместного использования выгод (Access and Benefit Sharing, далее – ABS) (ст. 19(2)).

Сказанное выше позволяет понять, что права, касающиеся передачи технологий, служат разным целям. Так, обязательство по передаче первой группы технологий отражает общую ответственность всех Договаривающихся сторон в отношении их вклада в сохранение биоресурсов планеты. Как отмечается в литературе, передача технологий, среди прочего, – важнейшее средство для сохранения биоразнообразия [Gillespie 2013:533]. Одновременно данные технологии сами могут быть основаны на использовании биопроцессов, т.е. основаны на генетических ресурсах. В свою очередь биотехнологии, как это следует из п. 1 ст. 16, должны быть экологически обоснованными, т.е. не наносящими вред окружающей среде.

Как весьма точно отмечено в юридической литературе, несмотря на определенный прогресс в сфере сохранения и устойчивого использования биоразнообразия, на международном и национальном уровнях возникает новое измерение дискуссий по правовым вопросам доступа к данным ресурсам и распределения выгод от их совместного использования, что возможно на основе обеспечения фактической доступности биотехнологий. В данном случае имеется в виду возрастание необходимости использования новых биологических технологий и систем знаний, таких как генетика, геномика, синтетическая биология и биоинформатика. «Эти технологии и системы знаний сделали генетические ресурсы более ценными из-за их потенциала в разрешении глобальных вызовов в отношении сельского хозяйства, продовольственной безопасности, общественного здравоохранения, изменения климата и степени устойчивости окружающей среды, включая Цели устойчивого развития» [Lawson, Adhikari 2018:1].

Когда в Конвенции и в документах Конференции Сторон речь идет о передаче биотехнологий, то подразумеваются именно новые технологии, защищенные различными видами прав интеллектуальной собственности, преимущественно патентами. Из этого обстоятельства со всей очевидностью следует, что наиболее сложной для

согласования интересов различных групп стран – развитых и развивающихся – является передача именно проприетарных технологий. Это отражает общую ситуацию противоречивого воздействия прав интеллектуальной собственности на международную передачу технологий [Sands et al. 2018], равно как и на прогресс в секторе исследований и разработок.

3. Права интеллектуальной собственности как элемент международно-правового режима передачи биотехнологий

Как указывается в одном из специальных докладов ВОИС, отношение между патентами и передачей технологий обычно понимается в двух аспектах – позитивном аспекте, когда необходимые технологии действительно передаются реципиентам, и негативном аспекте, когда патентные права или злоупотребление ими могут в одинаковой степени затруднять передачу технологий⁹. Остановимся на втором аспекте более подробно. Так, если развивающиеся страны или страны с переходной экономикой не в состоянии выплачивать лицензионные отчисления, то патенты будут представляться им в качестве препятствий на пути доступа к технологиям. Другим барьером на пути доступа может стать злоупотребление монополией со стороны патентообладателя, когда он отказывается в праве пользования изобретением по приемлемой цене субъектам частного и публичного секторов в той или иной стране. Вполне понятно также и то, что, если в принимающем государстве патентное право находится в состоянии формирования, то его своевременная гибкая эволюция вряд ли возможна. В дополнение укажем также на то, что если в принимающей стране уровень патентной охраны не высок, то это также может сдерживать приток технологий и далее их распространение, необходимое для достижения целей КБР.

Все сказанное подводит нас к необходимости сформулировать важное положение концептуального характера, являющееся методологической основой для анализа и оценки того, как право интеллектуальной собственности воздействует на передачу биотехнологий, в рамках рассматриваемого международно-правового режима. Вполне очевидно, что достижение ЦУР и переход к устойчивому развитию приходится на

⁹ Report on the international patent system prepared by the Secretariat. 2008. Para. 101. URL: <http://www.gtwassociates.com/alerts/WIPOTechnologyDiffusionandthePatentSystem.pdf> (accessed date: 25.05.2019).

эпоху биотехнологической революции. В свою очередь биотехнологическая революция призвана содействовать реализации стратегии устойчивого развития. А это зависит не только от содержательной направленности биотехнологических разработок, но и от своевременного реагирования права интеллектуальной собственности на реализацию цивилизационной потребности в устойчивом развитии. Именно это во многом обосновывает тематическую связь прав интеллектуальной собственности не только с биоразнообразием как на основе биотехнологий, так и на основе традиционных знаний, но и с широким контекстом глобальной стратегии устойчивого развития. Своим последствием такой подход имеет формирование новой точки зрения на патентование биотехнологий. Она заключается в рассмотрении патентной системы в целом и патентования в частности в широком контексте задач по сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия [Oldham et al. 2013].

Соответствие права интеллектуальной собственности указанным задачам находится в поле внимания Генеральной Ассамблеи ООН, ВОИС, ЮНКТАД, а также ВТО. Укажем на специальный доклад Второго комитета ООН, посвященный вопросам имплементации КБР в контексте устойчивого развития. Так, здесь сказано, что средствами достижения трех конвенционных целей является предоставление необходимого доступа к генетическим ресурсам. К реализации данных целей следует стремиться «путем надлежащей передачи соответствующих технологий с учетом всех прав на такие ресурсы и технологии и путем должного финансирования»¹⁰. В связи с этим Генеральная Ассамблея в п. 8 данного доклада призвала Стороны Конвенции оказывать содействие передаче технологий для достижения целей эффективного осуществления КБР в соответствии со ст. 16 и другими статьями, связанными с ней. Именно такой подход, учитывающий значение реализации конвенционных положений для перехода к устойчивому развитию, наиболее актуален и продуктивен для рассмотрения вопросов воздействия прав интеллектуальной собственности на передачу технологий, содействующих достижению целей КБР.

Если непосредственно обратиться к конвенционным положениям, то в п. 1 ст. 16 прямо говорится, что каждая Договаривающаяся сторона, признавая, что доступ к технологии (биотехнологии) и ее передача являются важными элементами достижения целей Конвенции, «обязуется в соответствии с положениями настоящей статьи предоставлять и/или облегчать другим Договаривающимся сторонам доступ к технологиям, которые имеют отношение к сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия или предполагают использование генетических ресурсов и не наносят существенного ущерба окружающей среде, а также передачу им таких технологий».

Внимание к передаче технологий и принятие соответствующих обязательств вызвано тем, что передача технологии является необходимым условием достижения всех трех конвенционных целей, которые закреплены в ст. 1 КБР, а именно – сохранение, устойчивое использование и справедливое распределение выгод от использования биоресурсов. Более того, как показано в п. 8(e) решения XII/2 Конференции Сторон, стимулирование использования передовых технологий и их передачи необходимо для поддержки Стратегического плана в области сохранения и устойчивого использования биоразнообразия на 2011–2020 гг. и целевых задач, принятых в Айти¹¹.

Одновременно отметим имеющее ключевое значение для нашего исследования положение ст. 1 о том, что достижение третьей цели, а именно совместное получение выгод, связанных с использованием генетических ресурсов, прямо предполагает «надлежащую передачу соответствующих технологий с учетом всех прав на такие технологии...». Не возникает сомнений, что здесь подразумеваются права интеллектуальной собственности, которые являются существенным аспектом передачи технологии. Речь идет о *патентных правах, правах селекционеров и правах на базы данных*. Поясним, что распределение выгод охватывает широкий спектр возможностей, начиная от денежной компенсации, подготовки кадров и заканчивая вовлеченностью в научные исследования и разработки в целях передачи технологии. Необходимо отметить, что

¹⁰ Доклад Второго комитета ГА ООН «Устойчивое развитие: Конвенция о биологическом разнообразии». С. 4. Доступ: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/72/420/Add.6> (дата обращения: 03.06.2019).

¹¹ Решение Конференции Сторон XII/2 «Обзор результатов поддержки осуществления целей Конвенции и Стратегического плана в области сохранения и устойчивого использования биоразнообразия на 2011–2020 гг. и активизация создания потенциала, научно-технического сотрудничества и других инициатив для содействия осуществлению». Доступ: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-12/cop-12-dec-2-ru.pdf> (дата обращения: 28.05.2019).

права интеллектуальной собственности, воздействуя на выполнение обязательств по передаче технологий, оказывают существенное воздействие не только на выполнение третьего целевого обязательства, но и на достижение первых двух целей.

В результате доступ к технологиям в целях использования и сохранения биоресурсов, а также для достижения равноправного пользования соответствующими выгодами во многом опосредованы решением вопроса о характере воздействия прав интеллектуальной собственности. Как весьма точно отмечается в аналитической литературе, «взаимодействие между правами интеллектуальной собственности и передачей технологии согласно Конвенции о биоразнообразии является многогранным. Права интеллектуальной собственности (и рыночные стимулы, которые связаны с ними) должны оцениваться для определения их воздействия на природу технологий и на передачу этих технологий» [Monagle 2001].

Если непосредственно обратиться к анализу ст. 16 Конвенции, то в абзаце 2 п. 2 ст. 16 говорится о том, что в случае технологии, защищенной патентами и другими правами интеллектуальной собственности, такой доступ и передача обеспечиваются на условиях, которые учитывают достаточную и эффективную охрану прав интеллектуальной собственности и соответствуют ей. Термины «достаточная и эффективная» не определены. Но вполне ясно, что это положение отражает интересы развитых стран, а также, как нам представляется, интересы «продвинутых» развивающихся стран (например, Китая и Индии), являющихся технологическими донорами.

Далее, в п. 3, документ предусматривает, что каждая Договаривающаяся сторона принимает соответствующие законодательные, административные или политические меры с той целью, чтобы Договаривающимся сторонам, особенно тем, которые являются развивающимися странами, были обеспечены доступ и передача технологии. Это предполагает использование генетических ресурсов на взаимно согласованных условиях, включая технологию, которая защищена патентами и другими правами интеллектуальной собственности там, где это необходимо на основании положений ст. 20 и 21, а также в соответствии с нормами международного права и пунктами 4 и 5 ст. 16 КБР. Здесь заложено представление, что передача технологий должна соответствовать международному праву в сфере охраны прав интеллектуальной собственности,

в частности, в настоящее время положениям Соглашения ТРИПС, устанавливающего минимальные стандарты в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности.

В силу того, что подавляющая часть передаваемых технологий является проприетарной, важным представляется соблюдение принципа предоставления и/или облегчения доступа и передачи технологий в развивающиеся и наименее развитые страны со стороны частного сектора. Это вызвано тем, что важную роль в разработке и коммерциализации биотехнологий, конечно же, играет частный сектор. Поэтому п. 4 ст. 16 содержит очень важное положение о том, что каждая Договаривающаяся сторона должна принимать надлежащие законодательные, административные и политические меры, чтобы частный сектор облегчал доступ, совместную разработку и передачу соответствующих технологий, релевантных целям КБР, в интересах правительственных учреждений, а также в интересах частного сектора в развивающихся государствах. Поэтому частый сектор должен быть верен обязательствам, изложенным в пунктах 1, 2 и 3 ст. 16.

Одновременно можно видеть, что в п. 5 говорится о том, что Стороны «признавая, что патенты и иные права интеллектуальной собственности могут оказывать влияние на осуществление настоящей Конвенции, сотрудничают в этой области, руководствуясь национальным законодательством и нормами международного права, с целью обеспечить, чтобы эти права способствовали, а не противоречили ее целям». Данная формулировка позволяет сделать вывод, что существует специальное обязательство Сторон КБР сотрудничать в направлении обеспечения позитивного воздействия прав интеллектуальной собственности не только на передачу технологий, но и на достижение конвенционных целей как таковых.

Вкратце отметим, что вопросы прав интеллектуальной собственности и передачи технологий во время переговоров по заключению КБР представляли значительную сложность. Это определялось общими расхождениями по линии Север-Юг по поводу соотношения между правами интеллектуальной собственности и охраной окружающей среды. Но все-таки формулировки ст. 16 воплощают своего рода компромисс, особенно что касается ст. 16.5. Однако следствием данного компромисса явился неопределенный характер конвенционных положений, что стало вызывать трудности в процессе их реализации.

Поэтому после вступления Конвенции в силу стали появляться работы, в которых исследовались, во-первых, вопросы охраны прав интеллектуальной собственности согласно положениям Конвенции [Lesser 2000], а во-вторых, вопросы воздействия прав интеллектуальной собственности на международную передачу биотехнологий в рамках конвенционного режима [Kagedan 1996:18–20; Lesser, 1997]. В результате была выявлена специфика режима передачи технологий согласно КБР. Она заключается в том, что *передача проприетарных технологий осуществляется в рамках соглашений о доступе к генетическим ресурсам и в рамках режима совместного пользования выгодами на справедливой и равноправной основе от использования генетических ресурсов, современных технологий и традиционных знаний*.

Развивающиеся страны, в которых право интеллектуальной собственности находилось к началу 1990-х гг. на стадии формирования, придерживались точки зрения, что существующие режимы прав интеллектуальной собственности не стимулируют передачу технологии в развивающиеся страны и, более того, игнорируют вклад фермеров в формирование растительных генетических ресурсов планеты. На основании этого делался вывод, что не следует распространять права интеллектуальной собственности на новые сорта сельскохозяйственных культур и на другие продукты, основанные на генетических ресурсах. Соответственно, выдвигалось предложение, чтобы в рамках КБР были предусмотрены ограничения в отношении прав интеллектуальной собственности¹².

Позиция развитых стран была иной: они показывали, что строгая система охраны прав интеллектуальной собственности, напротив, будет содействовать передаче технологий и инвестициям в научно-технологические разработки в развивающихся странах, что косвенным образом положительно скажется на сохранении биоразнообразия. Так или иначе, практически все раз-

витые государства, как это видно из деклараций, сделанных при подписании, принятии и ратификации КБР, согласились с включением в ее текст положений, предусматривающих содействие передаче технологий в развивающиеся страны¹³. В то же время США в целом восприняли ст. 16 как «чреватую» снижением уровня защиты интеллектуальной собственности и широкого распространения практики принудительных лицензий (compulsory licensing arrangements).

Как бы то ни было, положения о соблюдении прав интеллектуальной собственности на передаваемые технологии отвечают интересам развивающихся стран. Это определяется тем, что на этой основе возникает перспектива налаживания полезных партнерских отношений и созданию стратегических союзов с компаниями из развитых стран. «Затем, – как отмечает Генеральный секретарь ООН, – могут открыться возможности для достижения договоренностей о доступе к технологиям по доступным ценам, установленным с учетом, среди прочих факторов, экономических реальностей и социальных потребностей»¹⁴. Разумеется, все это возможно лишь в случае, если система охраны прав интеллектуальной собственности будет не только эффективной, но и гибкой. Что это означает? Это означает учет обстоятельств интересов и потребностей тех или иных развивающихся стран, а также необходимость реализации переходного периода на пути к принятию в них современных стандартов охраны прав интеллектуальной собственности.

4. Сотрудничество государств в согласовании международно-правовых обязательств по КБР и Соглашению ТРИПС

Большое значение для решения проблем, связанных с неоднозначным воздействием прав интеллектуальной собственности на передачу биотехнологий, имеет сотрудничество Сторон в рамках конвенционного процесса. Так, уже на

¹² Конвенция о биологическом разнообразии и Соглашение о торговых аспектах прав ИС: взаимосвязь и синергия. Записка Исполнительного секретаря. 1996. П. 13 Доступ: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-03/official/cop-03-23-ru.pdf>. (дата обращения: 15.05.2019).

¹³ Committee of the WTO on trade and environment. “Environment and the TRIPS” – Environment and the TRIPS Agreement (Note by the Secretariat of the WTO). Annex 5: Declarations made at the time of signature, adoption or ratification of the Convention on Biological Diversity. URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-03/information/cop-03-inf-09-en.pdf> (accessed date: 13.05.2019).

¹⁴ Impact des nouvelles biotechnologies, en particulier sur le développement durable, y compris la sécurité alimentaire, la santé et la productivité. 9 mai 2003. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/356/11/PDF/N0335611.pdf> (accessed date: 21.05.2019).

первом совещании Конференции Сторон в рамках Среднесрочной программы работы Конференции сторон на 1995–1997 гг. было принято решение рассмотреть на втором совещании компиляцию информации, которая была предоставлена правительствами, а также доклады международных организаций в отношении политики, законодательных или административных мер, связанных с правами интеллектуальной собственности в соответствии со ст. 16 Конвенции, а также доступом и передачей технологии, использующей генетические ресурсы (п. 5.4.2 раздела «Доступ к генетическим ресурсам»)¹⁵.

На обсуждение того, как воздействуют права интеллектуальной собственности на передачу технологий и смежные формы международного научно-технического сотрудничества в рамках конвенционного сотрудничества, большое воздействие оказало то обстоятельство, что в 1995 г., вскоре после вступления в силу КБР в 1993 г., вступило в силу Соглашение о торговых аспектах интеллектуальной собственности (далее – Соглашение ТРИПС)¹⁶. Это привело к обсуждению вопроса о соотношении обязательств государств по КБР, с одной стороны, и обязательств по Соглашению ТРИПС – с другой. Дело в том, что после принятия данного Соглашения стало очевидно, что на реализацию положений КБР относительно передачи проприетарных биотехнологий будут оказывать воздействие гармонизированные в глобальном масштабе минимальные стандарты охраны прав интеллектуальной собственности¹⁷.

На практике режим, учрежденный Соглашением, предполагал повышение уровня защиты прав интеллектуальной собственности в развивающихся странах. Поэтому возникли новые условия для достижения целей КБР, которая является связующим звеном между правами интеллектуальной собственности, с одной стороны, и сохранением и устойчивым использованием биоразнообразия – с другой. Одним из каналов данной связи, как нам представляется, является стимулирующее воздействие прав интеллектуальной собственности на передачу технологий.

Однако, как верно показывает Дж. Дутфельд, исследовавший воздействие прав интеллектуальной собственности на передачу технологий,

значимых для сохранения и устойчивого использования биоразнообразия, «степень, в которой эффективная защита прав интеллектуальной собственности в странах-реципиентах облегчает, затрудняет или вообще не воздействует на передачу технологий, достаточно сложно установить» [Dutfield 2000:57]. Это означает, что выгоды, связанные с усилением защиты данных прав в отношении облегчения доступа технологий, распределены среди развивающихся стран неравномерно. Отсюда различная степень достижения конвенционных целей в разных странах. Это не может не вызывать озабоченность, перерастающую в задачу, которая решается в формате международного сотрудничества.

Поэтому в поле конвенционного процесса актуализировались вопросы сопряжения обязательств по данным двум международным договорам, так как подавляющее число государств – участников КБР одновременно являются участниками Соглашения ТРИПС: возможные противоречия между двумя договорными режимами являются крайне нежелательными.

Конечно, ст. 22.1 КБР говорит о том, что положения Конвенции «не затрагивают прав и обязательств [любой Стороны], вытекающих из любого действующего международного соглашения, за исключением случаев, когда результатом осуществления этих прав и обязанностей стал серьезный ущерб или угроза биоразнообразию». Но это положение вызвало вопрос: как будет применяться данная статья в случае противоречия с Соглашением ТРИПС?

К случаям противоречий можно отнести, например, ситуацию, когда национальные меры содействия передаче технологии в соответствии со ст. 16 КБР могут вызвать затруднения, связанные с режимом наибольшего благоприятствования, в том случае, если Стороны Конвенции и государства, которые не являются ее Сторонами, окажутся в различных условиях. Данные условия также могут порождать вопросы, связанные с национальными режимами, когда, в частности, иностранные граждане будут иметь менее благоприятный режим. В дополнение к этому вполне могут возникнуть проблемы, связанные с торговыми аспектами прав интеллектуальной

¹⁵ Решение I/9 Конференции Сторон КБР «Среднесрочная программа работы Конференции Сторон на 1995–1997 гг.». Доступ: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cor-01/cor-01-dec-ru.pdf> (дата обращения: 14.05.2019).

¹⁶ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г. Доступ: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/379915> (дата обращения: 05.05.2019).

¹⁷ К другим каналам связи можно отнести поисковые работы (bioprospecting) и доступ к генетическим ресурсам.

собственности, когда, например, владельцы запатентованной технологии будут вынуждены выдавать лицензии на технологии на основе требований, которые Соглашением ТРИПС не предусмотрены.

Представляется, что смысловым ядром гармонизации рассматриваемых режимов, безусловно, является согласование частных и публичных интересов. В данном случае КБР, так же как и Международный договор о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства 2001 г.¹⁸, в отличие от Соглашения ТРИПС приоритет отдает общему благу. Но, несмотря на это, в данных международных договорах, так же, как и в Соглашении ТРИПС, направленном на стимулирование торговли и экономического развития, вполне можно заметить стремление к гармонизации публичных и частных интересов. На международном уровне это предполагает конвергенцию двух режимов посредством широкого сотрудничества между указанными международными договорами. Именно таков способ решения сформулированной на Глобальном форуме по биотехнологии 2004 г. задачи по сбалансированному подходу к обеспечению доступа к биотехнологиям и к охране интеллектуальной собственности разработчиков технологий¹⁹.

Несомненно, конвергенция данных международных договоров, а в конечном счете – гармонизация соответствующих им международно-правовых обязательств государств-участников предполагают детальную проработку вопроса о путях облегчения доступа к проприетарным биотехнологиям в целях содействия применению и распространению биотехнологии в развивающихся странах. Важной гранью дискуссий о характере отношений между Соглашением ТРИПС и КБР, определяемых в широком диапазоне начиная от конфликтного видения и заканчивая бесконфликтностью, является обсуждение вопроса о воздействии прав интеллектуальной собственности на передачу биотехнологий в соответствии

с целями КБР²⁰. К другим обсуждаемым вопросам относятся, например, распределение выгод посредством соответствующего доступа к генетическим ресурсам и соотношение прав интеллектуальной собственности и традиционных знаний.

Одновременно возникает вопрос: какие положения Соглашения ТРИПС являются релевантными для достижения целей Конвенции? Это прежде всего положения ст. 27 «Патентуемые объекты». Так, ст. 27.3(b) предусматривает защиту разновидностей растений патентами и/или эффективной системой *sui generis*²¹. В русле нашей работы интересна диспозиция ст. 27.3(b), которая определяет, что растения и животные, в отличие от микроорганизмов, «и по существу биологические процессы для производства растений и животных» могут быть исключены из этой защиты». Статья 27.2 предполагает запрет патентования тех результатов интеллектуальной деятельности, которые важны для общественного порядка или морали, в том числе во избежание серьезного ущерба окружающей среде.

В целом вопросы соотношения Соглашения ТРИПС, с одной стороны, и КБР, а также Протоколов к ней – с другой нашли свое детальное освещение в научной и экспертной среде, представители которой выработали конкретные меры по гармонизации двух режимов. К ним, например, относится раскрытие источника генетических ресурсов и традиционных знаний в рамках патентной документации, включение в Соглашение ТРИПС принципов ABS, развитие системы охраны традиционных знаний, использование «гибких» механизмов и др. [Laxman, Ansari 2012:121–123]. Все данные предложения уже реализуются на практике и приводят к развитию права интеллектуальной собственности в направлении его большего соответствия потребностям сохранения и устойчивого использования биоразнообразия, не говоря уже о потребности в эффективном функционировании режима ABS. Все это – основа для благотворного воздействия

¹⁸ Международный договор о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства 2001 г. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/genetic_resources.pdf (дата обращения: 05.05.2019).

¹⁹ Глобальный форум по биотехнологиям. Доклад Генерального директора ЮНИДО. Приложение I: Основные аспекты работы Форума и предложения относительно принятия политических мер. П. 4 Доступ: https://www.unido.org/sites/default/files/2007-11/23000_idb28_8r_0.pdf (дата обращения: 06.07.2019).

²⁰ The TRIPS Agreement and Biological Diversity. Brief No. 8 of the International Institute for Sustainable Development. 2003. P. 2–3. URL: https://www.iisd.org/sites/default/files/publications/investment_sdc_dec_2003_8.pdf (accessed date: 14.05.2019).

²¹ Система *sui generis* означает индивидуальный закон для защиты прав селекционеров растений (фермеров) в развивающихся странах.

данной категории прав на передачу технологий в интересах достижения конвенционных целей.

Одновременно отметим, что соотношение прав интеллектуальной собственности и передачи технологий в контексте уже упомянутой нами выше более широкой проблематики «интеллектуальная собственность и биоразнообразие», оформившейся в середине 90-х гг., вошло не только в поле внимания Конференции Сторон КБР, но и в поле внимания ВТО. Важным импульсом для работы данной международной организации в дальнейшем послужила Декларация министров государств – членов ВТО (Доха, 14 ноября 2001 г.)²². В п. 6 данного документа приветствовалось продолжающееся сотрудничество между ВТО и ЮНЕП и другими межправительственными природоохранными организациями, а также поощрялись усилия по сотрудничеству ВТО и соответствующих межправительственных организаций в сфере охраны окружающей среды и устойчивого развития.

Вместе с тем абсолютного параллелизма при обсуждении этих вопросов не возникло. К тому же надо учитывать, что для ВТО осмысление вопроса воздействия прав интеллектуальной собственности на передачу биотехнологий – это всего лишь один из аспектов начавшегося в середине 1990-х гг. осмысления общей системы факторов, оказывающих воздействие на передачу экологически значимых технологий как таковых. Однако согласно специальному исследованию, которое ВТО представила третьему совещанию Конференции Сторон КБР (1996 г.), интеллектуальная собственность – это один из наиболее важных факторов, воздействующих на передачу технологий. К другим факторам относятся инвестиции и финансирование²³.

Ввиду обоюдного интереса к правам интеллектуальной собственности как фактору передачи технологий оформилось сотрудничество между КБР и ВТО. Как отмечается в литературе, и с этим надо всецело согласиться, Конвенция весьма близка к режиму ВТО, так как она затра-

гивает вопросы ABS, передачи технологий и интеллектуальной собственности [Wolfrum, Matz 2003:64.]. Напомним, что Соглашение ТРИПС также уделяет повышенное внимание передаче технологий (ст. 7). Вместе с тем некоторый своего рода коммерческий подход к природным ресурсам, конечно же, вносит напряженность в отношения между данными международными договорами. Поэтому уже на втором совещании Конференции Сторон КБР в 1995 г. было принято специальное решение II/12 «Права интеллектуальной собственности»²⁴, в котором было намечено наладить информационное сотрудничество и поддерживать связь с ВТО.

Формой сотрудничества КБР и ВТО стал не только информационный обмен, но и участие Исполнительного секретаря КБР в качестве наблюдателя в Комитете ВТО по торговле и окружающей среде, а также в Совете Соглашения ТРИПС. Как представляется, данного рода сотрудничество стало знаковым как для КБР, так и для ВТО. В первом случае положения об интеллектуальной собственности, содержащиеся в ст. 16 КБР, обрели широкий контекст в виде положений Соглашения ТРИПС. В свою очередь ВТО получила дополнительный импульс для понимания экологических перспектив реализации положений Соглашения ТРИПС, а также других соглашений. Все это доказывается в обстоятельном исследовании, проведенном ВТО и представленном третьему совещанию Конференции Сторон КБР²⁵. В нем впервые на системном уровне проанализирован потенциал данного Соглашения в сфере содействия разработке и передаче экологически обоснованных технологий (раздел V).

Потенциал Соглашения ТРИПС в отношении поощрения передачи экологически обоснованных технологий и доступа к ним, а также его соотношение с многосторонними природоохранными договорами также стали предметом специальной заинтересованности в научных кругах. Особо хотелось бы выделить монографию М. Кнора, в которой особым образом рассма-

²² WTO. Ministerial Declaration. Adopted on November 14, 2001. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min01-e/minidecl_e.htm (accessed date: 29.05.2019).

²³ Factors affecting transfer of environmentally sound technology (Note of the Secretariat of the WTO). URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-03/information/cop-03-inf-10-en.pdf> (accessed date: 30.05.2019).

²⁴ Решение Конференции Сторон II/12 «Права интеллектуальной собственности». Приложение 2: Решения, принятые вторым совещанием Сторон Конвенции. Доступ: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-02/full/cop-02-dec-ru.pdf> (дата обращения: 18.05.2019).

²⁵ Committee of the WTO on trade and environment. "Environment and the TRIPS". – *Environment and the TRIPS Agreement* (Note by the Secretariat of the WTO). URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-03/information/cop-03-inf-09-en.pdf> (accessed date: 23.05.2019).

тривается взаимодействие между Соглашением ТРИПС и Конвенцией. Автор делает вывод, что положения Соглашения должны стать основой для поощрения распространения именно экологически чистых технологий в рамках мировой торговли, что является одним из факторов гармонизации его целей с целями КБР [Knoг 2002: 100].

Возвращаясь к вопросу о продолжении сотрудничества между КБР и ВТО, отметим, что Конференция Сторон решила направить в Комитет ВТО по торговле и окружающей среде предварительные исследования – «Влияние систем прав интеллектуальной собственности на сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия и справедливое распределение выгод, связанных с его использованием»²⁶ и «Знания, нововведения и практика коренных и местных общин. Выполнение ст. 8(j)»²⁷. К тематическим вопросам данных исследований было отнесено: 1) поощрение правительств и других заинтересованных сторон к подготовке тематических исследований, в которых анализировалась бы роль прав интеллектуальной собственности в процессе передачи технологии и особенно прав интеллектуальной собственности при передаче биотехнологии; 2) анализ взаимосвязи систем охраны прав интеллектуальной собственности с сохранением и поддержанием традиционных знаний и практики коренных и местных общин и возможной роли данных прав в поощрении совместного пользования на справедливой основе выгодами, вытекающими из использования таких знаний и практики. Если говорить об упомянутом выше первом предварительном исследовании, которое является наиболее важным для предмета нашей статьи, то оно в целом было призвано уяснить, какое влияние системы прав интеллектуальной собственности оказывают на передачу технологий и, в конечном

счете, на достижение целей КБР.

Еще одной инициативой, направленной на обеспечение синергии между двумя режимами, было предложение Сторонам, одновременно являющимся членами ВТО, уведомлять Совет по ТРИПС в порядке ст. 63 о законах и нормативных актах в отношении выполнения связанных с правами интеллектуальной собственности положений ст. 16 КБР при одновременном уведомлении секретариата КБР. Представляется, что данная инициатива идет в русле принципиального положения, содержащегося в решении 3/17 «Права интеллектуальной собственности»²⁸, о непосредственном значении данных прав для осуществления КБР и достижения трех ее целей. В соответствии с подходом Конференции Сторон осуществление положений КБР, связанных с правами интеллектуальной собственности, должно проходить на взаимодополнительной основе с положениями международных соглашений в области охраны интеллектуальной собственности. Однако, отметим, проблемным вопросом является то, чтобы они со своей стороны не затрудняли, а, напротив, содействовали бы достижению конвенционных целей. Данный подход был подтвержден в п. 9 Решения IV/15, в котором подчеркивалась необходимость обеспечения последовательности и согласованности усилий по осуществлению КБР и соглашений ВТО, включая Соглашение ТРИПС, в целях повышения уровня взаимодополняемости и интеграции вопросов биоразнообразия и вопросов, касающихся защиты прав интеллектуальной собственности²⁹.

Общий настрой на сотрудничество с ВТО в русле необходимого укрепления взаимодополняющей роли торговых и природоохранных соглашений в деле обеспечения устойчивого развития согласно решению IV/15, подтвержденный Картаженским протоколом по биобезопасности, а также Декларацией министров ВТО (14 ноя-

²⁶ Влияние систем прав интеллектуальной собственности на сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия и справедливое распределение выгод, связанных с его использованием. Предварительное исследование: Записка Исполнительного секретаря. Доступ: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-03/official/cop-03-22-ru.pdf> (дата обращения: 30.03.2019).

²⁷ Знания, нововведения и практика коренных и местных общин. Выполнение ст. 8(j). Предварительное исследование: Записка Исполнительного секретаря. Доступ: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-03/official/cop-03-19-ru.pdf> (дата обращения: 30.03.2019).

²⁸ Решение Конференции Сторон III/17 «Права интеллектуальной собственности». Приложение 2: Решения, принятые третьим совещанием Сторон Конвенции. Доступ: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-03/full/cop-03-dec-ru.pdf> (дата обращения: 17.06.2019).

²⁹ Решение Конференции Сторон IV/15 «Связь Конвенции с Комиссией по устойчивому развитию и другими конвенциями в области биоразнообразия, соответствующими международными соглашениями, учреждениями и процессами». Приложение: Решения, принятые четвертым совещанием Сторон Конвенции. Доступ: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-04/full/cop-04-dec-ru.pdf> (дата обращения: 19.05.2019).

бря 2001 г.), нашел свое продолжение в разделе «Сотрудничество с ВТО» решения VI/20³⁰. Хотя, надо заметить, речь здесь шла главным образом о развитии сотрудничества с ВТО по вопросам разрабатываемого тогда Картахенского протокола по биобезопасности. В этом отношении большой интерес представляло сотрудничество с Соглашением ВТО о применении санитарных и фитосанитарных мер и Соглашением по техническим барьерам в торговле в интересах устойчивого развития.

5. Совершенствование конвенционного режима доступа к биотехнологиям

Важной отправной точкой для дальнейшего развития конвенционного режима доступа к биотехнологиям стало 9-е совещание Конференции Сторон (2008 г.), на котором было представлено фундаментальное специальное исследование роли прав интеллектуальной собственности в передаче биотехнологий³¹. В подготовке данного исследования принимали участие ЮНКТАД и ВОИС. Поскольку исследование по объему довольно внушительно, вкратце укажем, что в нем исследуется роль прав интеллектуальной собственности в процессе передачи технологий в контексте КБР, а также определяются возможные направления действий, усиливающих синергию для повышения эффективности передачи технологии и научно-технического сотрудничества и одновременно для устранения барьеров. Анализируемое исследование весьма масштабно раскрывает предметное поле передачи технологий в соответствии с КБР. Одновременно в нем рассматриваются выгоды и издержки, связанные с правами интеллектуальной собственности, в рамках различных стадий процесса передачи, начиная от оценки технологических потребностей и заканчивая адаптацией переданных технологий. Один из важных выводов состоит в том, что пра-

ва интеллектуальной собственности не должны рассматриваться как единственная форма управления знаниями. Соответственно, она не должна исключать другие формы содействия инновациям и диффузии технологий (п. 38). В рамках данного исследования немаловажное значение имеет систематизация форм передачи технологий – лицензионные соглашения, соглашения о партнерстве, соглашения о поисковых работах в сфере генетических ресурсов, патентные пулы (п. 102–123).

Конференция Сторон высоко оценила проделанную работу и в п. 11 Решения 9/14³², ссылаясь на п. 2, 3 и 5 ст. 16 КБР, предложила соответствующим международным организациям и инициативам, а также исследовательским учреждениям всех уровней и неправительственным организациям и далее проводить исследования роли интеллектуальной собственности в передаче технологии в рамках конвенционного процесса.

Одновременно отметим, что на данном же совещании Конференции Сторон была утверждена Стратегия практической реализации Программы по передаче технологии и научно-техническому сотрудничеству³³. В Стратегии вопросы интеллектуальной собственности не рассматриваются, но со всей очевидностью ясно, что надлежащее регулирование прав интеллектуальной собственности представляет собой элемент стимулирующей среды, необходимой для разработки передачи технологий.

Казалось бы, пример Стратегии, а также сама современная направленность конвенционного сотрудничества в сфере передачи технологий начиная с 2010 г. показывают, что в последнее десятилетие проблематика «права интеллектуальной собственности – передача биотехнологий» практически не заявляет о себе. Действительно, в настоящее время Стороны КБР поглощены совершенствованием организационных механизмов научно-технического сотрудничества и пере-

³⁰ Решение Конференции Сторон VI/20 «Сотрудничество с другими конвенциями, международными организациями и инициативами». Приложение 1: Решения, принятые шестым совещанием Сторон Конвенции. Доступ: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-06/full/cop-06-dec-ru.pdf> (дата обращения: 19.04.2019).

³¹ The Role of intellectual property rights in technology transfer in the context of the Convention on biological diversity. Technical study prepared by Secretariat of the Convention on Biological Diversity, the United Nations Conference on Trade and Development, and the World Intellectual Property Organization. URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-09/information/cop-09-inf-07-en.pdf> (accessed date: 19.05.2019).

³² Решение Конференции Сторон IX/14 «Передача технологии и технологическое сотрудничество». Приложение: Стратегия практической реализации Программы по передаче технологии и научно-техническому сотрудничеству. Доступ: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-09/full/cop-09-dec-ru.pdf> (дата обращения: 15.05.2019).

³³ Там же. Приложение: Стратегия практической реализации Программы по передаче технологии и научно-техническому сотрудничеству.

дачи технологий. К кругу инициатив относится, например, пересмотр и обновление программ международного научно-технического сотрудничества и передачи технологий, включая запуск инициативы «Био-Мост», способствующей расширению научно-технического сотрудничества в контексте Стратегического плана в области биоразнообразия на 2011–2020 гг. Большое внимание стало уделяться совершенствованию онлайн-платформ и сервисов, содействующих накоплению и распространению информации о биотехнологиях, а также развитию системы оценки технологических потребностей Сторон КБР, являющихся развивающимися государствами.

Основное поле конвенционного сотрудничества по тематике «права интеллектуальной собственности – передача технологий» сместилось сегодня в сферу совершенствования режима ABS. Как мы уже пунктирно отмечали выше, права интеллектуальной собственности на передаваемые технологии в составе самой передачи – составной элемент режима ABS. На данную сопряженность в свое время указал Р. Волфрум, показавший, что КБР предусматривает передачу технологий не только, например, через участие в совместных биотехнологических исследованиях, но и через режим распределения выгод от технологий, основанных на генетических ресурсах, представленных Договаривающимися сторонами [Wolfrum 1998:114]. Реализация, подчас двойственная, прав интеллектуальной собственности в сфере передачи технологий выступает частью соглашений о доступе к генетическим ресурсам и договоренностей по распределению выгод в соответствии с соглашениями о доступе.

В качестве обоснования данного вывода укажем, что еще в п. 11 решения V/26, в котором рассматривались вопросы создания многосторонней системы доступа к генетическим ресурсам и совместного пользования выгодами, к механизмам совместного пользования выгодами были отнесены, например, передача технологии и проведение совместных исследований и разработок при одновременном уважении и сохранении традиционных знаний³⁴.

Данный подход далее нашел свое отражение в Боннских руководящих принципах, которые выступили первым шагом в развитии прозрачного механизма реализации положений КБР, касающихся доступа к генетическим ресурсам и совместного пользования выгодами³⁵. Ключевыми характеристиками Руководящих принципов является то, что они могут служить подспорьем для Договаривающихся сторон не только в разработке законодательных, административных или политических мер по реализации статей 8(j), 10(c), 15, 19, но и в имплементации ст. 16 КБР. Так, в Добавлении № 2 к данным принципам, в котором подробнейшим образом расписываются денежные и неденежные выгоды, а именно в подразделе, касающемся неденежных выгод, прямо отмечается, что к их числу относится передача поставщику генетических ресурсов знаний и технологий на справедливых и наиболее благоприятных условиях, в том числе, когда это согласовано, на льготных и преференциальных условиях, в частности знаний и технологий, связанных с использованием генетических ресурсов, включая биотехнологии, или имеющих отношение к сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия (п. 2.f)).

Боннские руководящие принципы стали определенной вехой в совершенствовании режима ABS и его составной части – передачи проприетарных технологий. Дальнейший вклад в этот процесс был призван внести Нагойский протокол 2010 г.³⁶ Цель последнего – обеспечение совместного использования на справедливой и равной основе выгод от применения генетических ресурсов и надлежащей передачи соответствующих технологий, включая надлежащее финансирование, что способствует сохранению биологического разнообразия и неистощительному использованию его компонентов. Поэтому проблематика передачи технологии, а соответственно, и прав на передаваемые технологии актуальна не только для достижения целей самой Конвенции, но и для Нагойского протокола.

Несмотря на то что в Протоколе предусматривается детализированный режим традицион-

³⁴ Решение Конференции Сторон V/26 «Доступ к генетическим ресурсам». Доступ: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cor-05/full/cor-05-dec-ru.pdf> (дата обращения: 18.06.2019).

³⁵ Боннские руководящие принципы по обеспечению доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения. Доступ: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cor-06/full/cor-06-dec-ru.pdf> (дата обращения: 18.06.2019).

³⁶ Нагойский протокол 2010 г. по регулированию доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции ООН о биоразнообразии 1992 г. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nagoya_protocol.pdf (дата обращения: 01.06.2019).

ных знаний и доступа к генетическим ресурсам, в отличие от самой Конвенции необходимость охраны прав интеллектуальной собственности на передаваемые технологии в ст. 22 «Потенциал» и ст. 23 Протокола «Передача технологии и технологическое взаимодействие и сотрудничество», основывающихся на ст. 15–19 КБР, не рассматривается. Однако комментаторы склоняются к тому, и мы с этим полностью согласны, что, передача технологий – составная часть режима ABS и что данная передача, предусмотренная ст. 23, как, впрочем, и ст. 22 Протокола, должна основываться на положениях ст. 16(5) Конвенции [Greiber et al. 2012:217–218; Morgera, Tsioumani, Buck 2014:320]. Конечно, Нагойский протокол не решил задачу учреждения справедливого режима ABS и реализации баланса интересов, с одной стороны, поставщиков технологий, с другой – поставщиков биоресурсов. Поэтому предметом внимания международного сообщества по-прежнему остается совершенствование режимов доступа к генетическим ресурсам и традиционным знаниям и практикам, а также к современным биотехнологиям [Muller 2018; Spranger 2014:162–180]. С нашей точки зрения, данные усилия тем более необходимы в силу отмечаемого в литературе появления новых технологий и знаний, делающих возможными новые выгоды от использования биоресурсов [Barthlott Erdelen, Rafiqpoor 2014.]. Следовательно, передача данных технологий и их использование предполагают более гибкую систему их охраны.

6. Проблема доступа к проприетарным биотехнологиям в эпоху ТРИПС-плюс

В настоящее время проблематика соотношения между, с одной стороны, сохранением и устойчивым использованием биоразнообразия, с другой – правами интеллектуальной собственности приобрела новое звучание в связи с наступлением эпохи ТРИПС-плюс. Данная эпоха характеризуется, как известно, усилением стандартов защиты прав интеллектуальной собственности, предусмотренных в двусторонних торговых и инвестиционных соглашениях между развитыми и развивающимися странами. Одновременно с этим, как показывают современные исследования, отмеченная проблема вписана в контекст воздействия региональных

и двусторонних торговых соглашений, заключаемых между развитыми государствами, с одной стороны, и развивающимися государствами – с другой, на устойчивое развитие в целом и биоразнообразие в частности. Так, некоторые положения Транс-Тихоокеанского соглашения о партнерстве (ТРП)³⁷ «затрудняют достижение Целей устойчивого развития, потенциально подрывая усилия ООН по содействию устойчивому развитию и равноправию во всем Тихоокеанском регионе, и исключение многих развивающихся стран, наименее развитых стран и малых островных государств из преференциальной торговли сказывается на генетических ресурсах, информированном согласии и совместном пользовании выгодами» [Rimmer 2018:152].

Из данной ремарки вполне можно вывести важный концептуальный вывод. Он заключается в том, что на вопрос, сформулированный еще в 90-е гг. XX вв., о конфликтном или гармоничном отношении между КБР и правами интеллектуальной собственности [Mossinghoff 1998] нельзя дать окончательного ответа. Это определяется некоторыми тенденциями в логике развития права интеллектуальной собственности, вызванными стремлением правообладателей к повышению уровня защиты своих исключительных прав.

Разумеется, проблема гармонизации прав интеллектуальной собственности и целей КБР в эпоху ТРИПС-плюс, а равным образом проблематика снижения уровня затруднений, исходящих от прав интеллектуальной собственности в отношении передачи технологий и их доступности, заслуживает самостоятельного изучения. Важнейшим толчком для ее рассмотрения следует считать исследовательскую статью экспертов Международного центра по торговле и устойчивому развитию [Vivas-Euqui, Oliva 2010]. В самом общем плане решение проблемы все же можно усмотреть, во-первых, в выработке устойчивой реакции развивающихся стран на попытки навязывания новых стандартов ТРИПС-плюс, а во-вторых, в достижении дальнейшего прогресса в сфере правовой охраны традиционных знаний, обеспечивающих использование генетических ресурсов. Последнее обстоятельство – непременный атрибут справедливой системы распределения выгод от использования генетических ресурсов. Это означает справедливое, т.е. пред-

³⁷ Trans-Pacific Partnership Agreement. Full text. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-text> (accessed date: 17.05.2019).

полагающее соблюдение всех соответствующих прав, использование не только передаваемых современных технологий, но и традиционных знаний, как это предусмотрено в ст. 8(j) КБР.

7. Возможные решения по усилению стимулирующей функции прав интеллектуальной собственности в процессе передачи биотехнологий

В заключительной части статьи следует отметить возможные перспективы достижения позитивного воздействия прав интеллектуальной собственности на передачу биотехнологий развивающимся странам, что содействовало бы укреплению их технологического потенциала, необходимого для достижения ЦУР.

Так, большая часть проприетарных технологий принадлежит частным компаниям и корпорациям развитых стран, а ныне и предприятиям «продвинутых» развивающихся государств, то успех в передаче технологий зависит от установления режима доверия. Важную роль в этом процессе и далее должны играть Механизм посредничества КБР и Механизм посредничества Нагойского протокола. Из этого следует необходимость разработки и осуществления Сторонами Конвенции и Протокола мер по дальнейшему вовлечению частного сектора в выполнение обязательств по КБР, равно как и вовлечению коренных народов и местных общин. Формой такого сотрудничества могут выступить специальные проекты по передаче технологий, в рамках которых совершенствовались бы договоренности о распределении выгод, что в качестве компонента включает распределение прав интеллектуальной собственности.

К сожалению, в настоящее время в рамках КБР отсутствует специальный механизм по технологиям, какой, например, функционирует в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (Technology mechanism of UNFCCC), в структуру которого входят Исполнительный комитет, а также Центр и Сеть по климатическим технологиям [Шугуров 2018]. Думается, что для КБР большой интерес также могут представ-

лять специализированные центры по передаче технологий, функционирующие в рамках конвенций, регулирующих безопасный оборот опасных химических веществ³⁸. В результате весьма перспективным является сотрудничество КБР с другими конвенциями с целью возможных заимствований разных организационных форм по облегчению передачи технологий, включая опыт по передаче исключительных прав в рамках специальных проектов данного рода передачи.

Как уже отмечалось, КБР активно сотрудничает с ВОИС. В настоящее время в рамках ВОИС функционирует технологическая платформа WIPO Green, созданная в 2013 г. и основанная на партнерстве поставщиков и получателей технологий в сфере охраны окружающей среды. Данная платформа позволила повысить скорость адаптации и применения «зеленых» технологий, в особенности развивающимися странами и странами с растущей экономикой. Платформа помогает находить необходимые технологии и способствует их передаче и, соответственно, получению на основе заключения лицензионных соглашений. Для этой цели служат ее составные элементы – База данных и Сеть. Как следует из годового отчета, к концу 2017 г. она насчитывала 85 партнеров и свыше 6 тыс. участников (членов и подписчиков)³⁹. С нашей точки зрения, в случае возникновения интереса Сторон КБР к платформенным решениям в сфере передачи биотехнологий, нацеленным на создание благоприятных условий для передачи исключительных прав на них, достаточно перспективным является использование в этих целях WIPO Green.

Расширение доступа к биотехнологиям требует не только совершенствования форм их передачи по линии Север–Юг, а также по линии Юг–Юг, которые встречаются на практике (лицензионные соглашения, соглашения о поисковых работах, соглашения о партнерстве), но и апробирования новых форм. К ним, в частности, относятся патентные пулы, используемые в развитых странах [Malshe 2018]. Патентный пул представляет собой соглашение, которое заключено несколькими компаниями о совместном использовании запатентованных технологий на

³⁸ Здесь имеются в виду Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 г., Роттердамская конвенция о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле 1998 г., Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях 2001 г.

³⁹ WIPO Green. Year in Review 2017. URL: https://www.ifia.com/wp-content/uploads/2018/03/wg_rp_17.pdf (accessed date: 08.06.2019).

основе безвозмездного лицензирования друг друга. Как показывает специальное исследование, патентные пулы, функционирующие, в частности, в Европейском Союзе, в случае строгого соблюдения антимонопольного законодательства стимулируют технологические достижения, облегчают доступ к технологиям и увеличивают выгоды от их передачи [Odrobina 2014]. Они открывают путь к совместным исследованиям, сокращают патентные и лицензионные платежи.

С точки зрения предмета данной статьи формирование и развитие данных инструментов в кроссграничном аспекте позволяет повышать уровень доступа к технологиям, а в перспективе усилить конвергенцию усилий исследователей, инвесторов и пользователей из развитых и развивающихся стран, сформировать практику совместного использования биотехнологий. Возможное развитие международных пулов в сфере биотехнологий можно рассматривать как направление международного сотрудничества, дополняющее совершенствование режима ABS. Во многом это требует соответствующих усилий со стороны развивающихся государств и поддержки со стороны государств развитых.

Подобного рода пулы уже существуют в сфере фармацевтических технологий, и их опыт показателен. К примеру, в рамках Патентного механизма (Патентного пула) Международного центра по закупкам медикаментов против СПИДа, туберкулеза и малярии в развивающихся странах (ЮНИТЭЙД), созданного в 2006 г., осуществляются содействие обмену патентами и оптимизация производства новых лекарств в областях, которые еще недостаточно изучены в настоящее время. Пул стремится к тому, чтобы получить разрешение правообладателей на предоставление доступа к данным клинических испытаний в отношении запатентованного лекарственного препарата. В случае положительного решения они получают лицензионное вознаграждение. Благодаря поощрению сотрудничества происходит заметное снижение затрат на лекарства, стимулируется разработка новых комбинаций лекарств в целях упрощения лечения. Пул выдает другим производителям (третьим сторонам)

на недискриминационной и неисключительной основе лицензии на использование соответствующих прав⁴⁰. В результате предоставления Национальным институтом США по охране здоровья новой безвозмездной лицензии на патенты по производству дарунавира (антиретровирусного лекарства против ВИЧ/СПИДА) компания «Джилд сайенс» предприняла шаги по предоставлению Патентному пулу лицензии на свои патенты сразу на несколько видов лекарств. В результате функционирования Пула был существенно расширен доступ пациентов к лечению в 125 странах при сокращении затрат в 2012–2016 гг. на 239 млн долл. США⁴¹.

В дополнение к этому снижение барьерных функций прав интеллектуальной собственности на всех стадиях процесса передачи биотехнологий предполагает совершенствование национального законодательства, особенно в развивающихся странах, в направлении достижения гибкого баланса интересов, формирование новых алгоритмов охраны результатов интеллектуальной деятельности, реализацию положений о контроле над антиконкурентной практикой, использование «гибких» возможностей, предусмотренных Соглашением ТРИПС (принудительное лицензирование, переходный период). В силу склонности развитых стран к расширению перечня охраняемых биоразработок, а также навязывания развивающимся странам высоких стандартов защиты прав интеллектуальной собственности в рамках соглашений о торговом-экономическом сотрудничестве (FTAs) важное значение приобретает неуклонная реализация развивающимися странами суверенного права определять критерии патентоспособности биотехнологических разработок исходя из своих национальных интересов. Одновременно с этим для них весьма актуальным является разумное использование режима исключений из патентных прав и ограничений последних с целью достижения баланса публичных и частных интересов, что является одним из критериев современной и эффективной патентной системы, содействующей притоку технологий. При этом не следует забывать и о развитии и поощрении систем *sui generis*, удовлетворяющих потребности

⁴⁰ Более подробно о работе Пула см.: Комитет ВОИС по развитию и интеллектуальной собственности. «Доклад о международной конференции по интеллектуальной собственности и развитию». 2016. П. 58. Доступ: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/ru/cdip_18/cdip_18_3.docx (дата обращения: 17.05.2019).

⁴¹ См.: UNITAID. Enabling access to affordable, high-quality HIV, hepatitis C and tuberculosis medicines for developing countries. 2016. URL: <https://www.unitaid.eu/project/medicines-patent-pool> (accessed date: 10.06.2019).

коренных народов и местных общин в защите их знаний и традиционных технологий.

8. Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что передача биотехнологий в интересах сохранения и устойчивого использования биоразнообразия, тесно связанная с достижением ЦУР, в настоящее время продолжает оставаться предметом взаимной заинтересованности развитых и развивающихся государств. Успех в передаче биотехнологий и их последующем использовании во многом зависит от соответствующих условий. К одному из них относится стимулирующее воздействие прав интеллектуальной собственности. В целях расширения данного воздействия в рамках конвенционного процесса в 1990-х – 2000-х гг. были предприняты разнообразные инициативы. Од-

нако в условиях современного развития патентных систем, не говоря уже о распространении стандартов ТРИПС-плюс, а также развития разнообразных перспективных организационных структур на международном уровне в области передачи технологий возникает потребность в возобновлении внимания Сторон КБР в рамках конвенционного сотрудничества к проблематике «права интеллектуальной собственности – передача технологий». Представляется, что в центре данного сотрудничества должно стать согласование подходов в сфере разработки и реализации новых инициатив по формированию конвенционного механизма в сфере разработки и передачи технологий, в рамках которого широким образом использовалась бы вся система форм передачи технологий, предполагающих современные и перспективные схемы лицензирования и распределения прав интеллектуальной собственности.

Список литературы

1. Шугуров М.В. 2018. Глобальный механизм в сфере развития и передачи климатических технологий: правовые основы и направления деятельности. – *Юридическая наука*. № 2. С. 63–74.
2. Barthlott W., Erdelen W.R., Rafiqpoor M.D. 2014. Biodiversity and technical innovations: bionics. – *Concepts and Values in Biodiversity*. Ed. by D. Lanzerath and M. Friele. Abingdon: Routledge. P. 162–180.
3. Blay S. 2005. International Regulation of Biotechnology: Problem and Prospects. – *Journal of International Biotechnology Law*. Vol. 2. Issue 6. P. 245–251.
4. Dutfield G. 2000. *Intellectual Property Rights, Trade and Biodiversity: Seeds and Plant Varieties*. London: Earthscan Publications. 240 p.
5. Greiber T. [et al.]. 2012. *An Explanatory Guide to the Nagoya Protocol on Access and Benefit-sharing*. URL: https://cmsdata.iucn.org/downloads/an_explanatory_guide_to_the_nagoya_protocol.pdf (accessed date: 01.06.2019).
6. Herdegen M. 2018. *The International Law of Biotechnology: Human Rights, Trade, Patents, Health and the Environment*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing. 208 p.
7. Kagedan B.L. 1996. *The Biodiversity Convention, Intellectual Property Rights, and Ownership of Genetic Resources: International Developments. Prepared for Intellectual Property Policy Directorate Industry Canada*. Geneva. URL: https://www.iatp.org/sites/default/files/Biodiversity_Convention_Intellectual_Property_.pdf (accessed date: 01.06.2019).
8. Knor M. 2002. *Intellectual Property, Biodiversity, and Sustainable Development*. London: Zed Book. 104 p.
9. Lawson Ch., Adhikari K. 2018. Biodiversity, genetic resources and intellectual property. – *Biodiversity, Genetic Resources and Intellectual Property: Developments in Access and Benefit Sharing*. Ed. by K. Adhikari and Ch. Lawson. Abingdon: Routledge. P. 1–8.
10. Laxman L., Ansari A.H. 2012. The interface between TRIPS and CBD: efforts towards harmonization. – *Journal of International Trade Law and Policy*. Vol. 11. Issue 2. P. 108–132. DOI: <https://doi.org/10.1108/147700212211239640>.
11. Lesser W. 1997. The Role of Intellectual Property Rights in Biotechnology Transfer under the Convention on Biological Diversity – *ISAAA Brief*. No. 3-1997. 32 p. URL: <https://www.isaaa.org/resources/publications/briefs/03/download/isaaa-brief-03-1997.pdf> (accessed date: 01.06.2019).
12. Lesser W. 2000. IPRs under the Convention on biological diversity. – *Agriculture and Intellectual Property Rights: Economic, Institutional, and Implementation Issues in Biotechnology*. Ed. by V. Santaniello [et al.]. London: CAB. P. 35–52.
13. Malshe D. 2018. *Patent Pools, Competition Law and Biotechnology*. Abingdon: Routledge. 101 p.
14. Monagle C. 2001. *Biodiversity & Intellectual Property Rights: Reviewing Intellectual Property Rights in light of Objective of the Convention on Biological Diversity. Joint Discussion Paper*. URL: <https://www.ciel.org/Publications/tripsmay01.PDF> (accessed date: 05.05.2019).
15. Morgera E., Tsioumani E., Buck M. 2014. *Unraveling the Nagoya Protocol: A Commentary on the Nagoya Protocol on Access and Benefit-Sharing to the Convention on Biological Diversity*. Leiden; Boston: Brill. 443 p.
16. Mossinghoff G.J. 1998. The Biodiversity Convention and Intellectual Property Rights: Conflict or Harmony? URL: <https://www.oblon.com/publications/the-biodiversity-convention-and-intellectual-property-rights-conflict-or-harmony> (access date: 15.06.2019).
17. Muller M.R. 2018. Reshaping the international access to genetic resources and benefit sharing process? Overcoming resistance to change and correction. – *Biodiversity, Genetic Resources and Intellectual Property: Developments in Access and Benefit Sharing*. Ed. by K. Adhikari and Ch. Lawson. Abingdon: Routledge. P. 208–219.

18. Odrobina A. 2014. Patent pools in light of European Union Competition Law. – *Economics and Law*. Vol. 13. Issue 4. P. 523–532. DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/EiP.2014.037>.
19. Oldham P., Hall St., Forero O. 2013. Biological Diversity in the Patent System. – *PloS One*. Vol. 8. Issue 1. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0078737>. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0078737> (accessed date: 01.06.2019).
20. Rimmer M. 2018. The Trans-Pacific Partnership and Sustainable development: access to genetic resource, informed consent, and benefit sharing. – *Biodiversity, Genetic Resources and Intellectual Property: Developments in Access and Benefit Sharing*. Ed. by K. Adhikari and Ch. Lawson. Abingdon: Routledge. P. 151–184.
21. Sands Ph. [et al.]. 2018. Principles of International Environment Law. 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1032 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108355728>.
22. Spranger T.M. 2014. Access and Benefit sharing as a challenge for international law. – *Concepts and Values in Biodiversity*. Ed. by D. Lanzerath and M. Friele. Abingdon: Routledge. P. 162–180.
23. Vivas-Euqui D., Oliva M.J. 2010. *Biodiversity related intellectual provisions in Free Trade Agreements*. ICTSD Issue Paper. No. 4. 39 p. URL: http://www.ictsd.org/downloads/2011/12/biodiversity_related-intellectual-property-provisions-in-free-trade-agreements.pdf (accessed date: 05.07.2019).
24. Wolfrum R. 1999. Environmental agreements balancing environmental commitments by potential economic benefits. – *Recueil Des Cours, Collected Courses*. Vol. 272. Hague: The Hague Academy of International Law. P. 111–117.
25. Wolfrum R., Matz N. 2003. *Conflict in International Environment Law*. Heidelberg: Springer. 213 p.
7. Knor M. *Intellectual Property, Biodiversity, and Sustainable Development*. London: Zed Book. 2002. 104 p.
8. Lawson Ch., Adhikari K. Biodiversity, genetic resources and intellectual property. – *Biodiversity, Genetic Resources and Intellectual Property: Developments in Access and Benefit Sharing*. Ed. by K. Adhikari and Ch. Lawson. Abingdon: Routledge. 2018. P. 1–8.
9. Laxman L., Ansari A.H. The interface between TRIPS and CBD: efforts towards harmonization. – *Journal of International Trade Law and Policy*. 2012. Vol. 11. Issue 2. P. 108–132. DOI: <https://doi.org/10.1108/147700212211239640>.
10. Lesser W. IPRs under the Convention on biological diversity. – *Agriculture and Intellectual Property Rights: Economic, Institutional, and Implementation Issues in Biotechnology*. Ed. by V. Santaniello [et al.]. London: CABI. 2000. P. 35–52.
11. Lesser W. The Role of Intellectual Property Rights in Biotechnology Transfer under the Convention on Biological Diversity – *ISAAA Brief*. 1997. No. 3-1997. 32 p. URL: <https://www.isaaa.org/resources/publications/briefs/03/download/isaaa-brief-03-1997.pdf> (accessed date: 01.06.2019).
12. Malshe D. *Patent Pools, Competition Law and Biotechnology*. Abingdon: Routledge. 2018. 101 p.
13. Monagle C. *Biodiversity & Intellectual Property Rights: Reviewing Intellectual Property Rights in light of Objective of the Convention on Biological Diversity. Joint Discussion Paper*. 2001. URL: <https://www.ciel.org/Publications/tripsmay01.PDF> (access date: 05.05.2019).
14. Morgera E., Tsioumani E., Buck M. *Unraveling the Nagoya Protocol: A Commentary on the Nagoya Protocol on Access and Benefit-Sharing to the Convention on Biological Diversity*. Leiden; Boston: Brill. 2014. 443 p.
15. Mossinghoff G.J. The Biodiversity Convention and Intellectual Property Rights: Conflict or Harmony? 1998. URL: <https://www.oblon.com/publications/the-biodiversity-convention-and-intellectual-property-rights-conflict-or-harmony> (access date: 15.06.2019).
16. Muller M.R. Reshaping the international access to genetic resources and benefit sharing process? Overcoming resistance to change and correction. – *Biodiversity, Genetic Resources and Intellectual Property: Developments in Access and Benefit Sharing*. Ed. by K. Adhikari and Ch. Lawson. Abingdon: Routledge. 2018. P. 208–219.
17. Odrobina A. Patent pools in light of European Union Competition Law. – *Economics and Law*. 2014. Vol. 13. Issue 4. P. 523–532. DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/EiP.2014.037>.
18. Oldham P., Hall St., Forero O. Biological Diversity in the Patent System. – *PloS One*. 2013. Vol.8. Issue 1. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0078737>. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0078737> (accessed date: 01.06.2019).
19. Rimmer M. The Trans-Pacific Partnership and Sustainable development: access to genetic resource, informed consent, and benefit sharing. – *Biodiversity, Genetic Resources and Intellectual Property: Developments in Access and Benefit Sharing*. Ed. by K. Adhikari and Ch. Lawson. Abingdon: Routledge. 2018. P. 151–184.
20. Sands Ph. [et al.]. *Principles of International Environment Law*. 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2018. 1032 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108355728>.

References

1. Barthlott W., Erdelen W.R., Rafiqpoor M.D. Biodiversity and technical innovations: bionics. – *Concepts and Values in Biodiversity*. Ed. by D. Lanzerath and M. Friele. Abingdon: Routledge. 2014. P. 162–180.
2. Blay S. International Regulation of Biotechnology: Problem and Prospects. – *Journal of International Biotechnology Law*. 2005. Vol. 2. Issue 6. P. 245–251.
3. Dutfield G. *Intellectual Property Rights, Trade and Biodiversity: Seeds and Plant Varieties*. London: Earthscan Publications. 2000. 240 p.
4. Greiber T. [et al.]. *An Explanatory Guide to the Nagoya Protocol on Access and Benefit-sharing*. 2012. URL: https://cmsdata.iucn.org/downloads/an_explanatory_guide_to_the_nagoya_protocol.pdf (accessed date: 01.06.2019).
5. Herdegen M. *The International Law of Biotechnology: Human Rights, Trade, Patents, Health and the Environment*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing. 2018. 208 p.
6. Kagedan B.L. *The Biodiversity Convention, Intellectual Property Rights, and Ownership of Genetic Resources: International Developments. Prepared for Intellectual Property Policy Directorate Industry Canada*. Geneva. 1996. URL: https://www.iatp.org/sites/default/files/Biodiversity_Convention_Intellectual_Property_.pdf accessed

21. Shugurov M.V. Global'nyi mekhanizm v sfere razvitiya i peredachi klimaticheskikh tekhnologii: pravovye osnovy i napravleniya deyatel'nosti [The Global Mechanism of Development and Transfer of Climate Technologies: legal foundations and activity directions]. – *Yuridicheskaya nauka*. 2018. No. 2. P. 63–74. (In Russ.)
22. Spranger T.M. Access and Benefit sharing as a challenge for international law. – *Concepts and Values in Biodiversity*. Ed. by D. Lanzerath and M. Friele. Abingdon: Routledge. 2014. P. 162–180.
23. Vivas-Euqui D., Oliva M.J. *Biodiversity related intellectual provisions in Free Trade Agreements*. ICTSD Issue Paper. 2010. No. 4. 39 p. URL: http://www.ictsd.org/downloads/2011/12/biodiversity_related-intellectual-property-provisions-in-free-trade-agreements.pdf (accessed date: 05.07.2019).
24. Wolfrum R. Environmental agreements balancing environmental commitments by potential economic benefits. – *Recueil Des Cours, Collected Courses*. Vol. 272. Hague: The Hague Academy of International Law. 1999. P. 111–117.
25. Wolfrum R., Matz N. *Conflict in International Environment Law*. Heidelberg: Springer. 2003. 213 p.

Информация об авторе**Марк Владимирович Шугуров,**

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международного права, Саратовская государственная юридическая академия.

410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Вольская, д. 1

shugurovs@mail.ru

ORCID: 0000-003-3604-3961

About the Author**Mark V. Shugurov,**

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of International Law, Saratov State Law Academy

1, ul. Volskaya, Saratov, Russian Federation, 410056

shugurovs@mail.ru

ORCID: 0000-003-3604-3961